

Дженни Хан

18+

ЛЕТО
БЕЗ ТЕБЯ -
не лето

От автора романа
«Всем парням,
которых я любила»

Дженни Хан
Лето без тебя – не лето
Серия «Вместе и навсегда»
Серия «Этим летом я
стала красивой», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27354816
Лето без тебя – не лето: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-104065-9

Аннотация

Все самое интересное в жизни Белли всегда происходило летом, когда она встречалась со своими двоюродными братьями Джереми и Конрадом. Но только не в этом году. На этот раз все пошло наперекосяк, и ссоры угрожают разрушить отношения, которыми все они дорожили. Но внезапно Конрад исчезает, и это уже серьезно. Теперь, чтобы все исправить, придется очень постараться.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	33
Глава 5	35
Глава 6	51
Глава 7	56
Глава 8	65
Глава 9	69
Глава 10	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Дженни Хан

Лето без тебя – не лето

Jenny Han

It's Not Summer Without You

Text copyright © 2010 by Jenny Han

© А. Казликина, фотография на обложке, 2017

© М. Кравченко, перевод на русский язык

* * *

Дж. + С.

Навсегда

Глава 1

2 июля

День в Казенсе выдался жарким. Я лежала у бассейна, накрыв лицо журналом. Мама раскладывала пасьянс на крыльце, а Сюзанна копошилась с чем-то на кухне. Скоро, наверное, вынесет наружу стакан холодного чая и книгу, которую мне «стоит почитать». Что-нибудь романтическое.

Ночью прошел шторм, и Конрад с Джереми и Стивеном все утро ловили волны. Конрад и Джереми вернулись домой первыми. Издалека было слышно, как они поднимаются по лестнице и смеются над Стивеном, с которого стянула шорты особенно мощная волна. Конрад подошел ко мне, убрал с лица пропотевший журнал и улыбнулся:

– У тебя на щеках что-то написано.

– И что там?.. – шурясь, спросила я.

Он опустил на корточки.

– Не разобрать. А ну-ка. – И с привычно серьезным видом взгляделся в мое лицо. Затем наклонился и поцеловал меня прохладными и солеными от морской воды губами.

– Ребят, вы бы уединились, что ли, – вмешался Джереми, но видно было, что он шутит. Выйдя из-за моей спины, он

подмигнул, поднял брата в воздух и швырнул в бассейн. Потом запрыгнул сам и крикнул оттуда: – Белли, ныряй!

И я, конечно, нырнула. Вода была что надо. Даже лучше, чем надо. Для меня, как всегда, лучше Казенса места нет.

– Ау-у!?! Ты меня слышишь?

Я открыла глаза. Тейлор щелкала пальцами у меня перед носом.

– Прости. Что ты сказала?

Я вовсе не в Казенсе. Мы с Конрадом не вместе, а Сюзанна мертва. И как раньше уже не будет. Прошло – сколько дней? сколько же точно? – два месяца, как Сюзанны не стало, а я по-прежнему не могла поверить. Отказывалась верить. Когда умирает любимый человек, кажется, что все не по-настоящему. Как будто живешь не своей жизнью. А чьей-то чужой. У меня никогда не получалось мыслить абстрактно. Каково это, когда человека больше нет, окончательно и бесповоротно?

Иногда я закрывала глаза и повторяла про себя снова и снова: «Это неправда. Все неправда. Все понарошку». Это не моя жизнь. Но она моя. Теперь это моя жизнь. Жизнь после.

Я загорала во дворе у Марси Ю. Мальчишки плескались в бассейне, а мы, девчонки, валялись на разложенных в ряд полотенцах. Я дружила с Марси, а Кейти, Эвелин и остальные – скорее, подружки Тейлор.

Хотя полдень только начался, жара стояла уже невыноси-

мая. И спадать не собиралась. Я лежала на животе и чувствовала, как в ложбинке на спине скапливается пот. Солнце стало порядком надоедать. Еще только второе июля, а я уже считала дни до конца лета.

– Я спросила, как ты оденешься на вечеринку к Джасти-ну, – повторила Тейлор. Она постелила свое полотенце так близко, что казалось, мы делим одно большое на двоих.

– Не знаю, – ответила я, поворачивая к ней лицо.

У нее на носу выступили крошечные капельки пота. Тейлор всегда начинала потеть с носа.

– Я – свой новый сарафан. Тот, что мы с мамой купили на распродаже в бутике.

Я снова закрыла глаза. Спасибо темным очкам: с ними все равно не поймешь, открыты глаза или нет.

– Это который?

– Ну помнишь, в мелкий горошек, с завязками на шее? Я же тебе показывала дня два назад. – Тейлор нетерпеливо выдохнула.

– А, да, – сказала я, хотя совершенно его не вспомнила, и Тейлор наверняка это поняла.

Я собиралась чего-нибудь добавить, похвалить ее платье, но моей шеи неожиданно коснулся ледяной металл. Я с визгом обернулась: рядом на корточках сидел Кори Уилер с запотевшей банкой газировки в руках и покатывался со смеху.

Я села и свирепо на него уставилась, вытирая шею. Как же меня сегодня все достало! Поскорей бы свалить домой.

– Что за фигня, Кори?!

Он не успокаивался, чем окончательно меня вывел.

– Боже, какое ребячество!

– Мне показалось, тебе жарко, – решил оправдаться он. –

Я хотел тебя остудить.

Я не ответила – так и сидела, обхватив рукой шею. Челюсть сводило от напряжения, и я кожей чувствовала пристальные взгляды остальных девчонок. Улыбка сползла с лица Кори.

– Прости. Будешь газировку?

Я покачала головой, он пожал плечами и пошел обратно к бассейну. Я огляделась по сторонам: Кейти с Эвелин кидали на меня косые взгляды, и мне стало неловко. Огрызаться на Кори – все равно что огрызаться на щенка немецкой овчарки. Совершенно бессмысленно. Я попыталась поймать взгляд Кори, но слишком поздно, он на меня больше не смотрел.

– Он же пошутил, Белли, – пробормотала себе под нос Тейлор.

Я снова улеглась на полотенце, на сей раз лицом вверх. Глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Музыка из айпода Марси так орала, что у меня разболелась голова. А пить все же хотелось. Надо было взять у Кори газировку.

Тейлор нависла надо мной и сдвинула очки вверх, чтобы заглянуть мне в глаза. Сощурилась:

– Ты злишься?

– Нет. Здесь просто слишком жарко.

Тыльной стороной руки я вытерла пот со лба.

– Не кипятись. Кори при тебе всегда дурак дураком. Ты ему нравишься.

– Ничего подобного! – возразила я, отводя глаза.

Но я ему нравилась и знала об этом. Я просто не хотела ему нравиться.

– Ага, еще как! Я до сих пор считаю, что ты должна дать ему шанс. Чтобы отвлечься сама знаешь от кого. – Я отвернулась, и она сменила тему: – Хочешь, сделаю тебе французскую косу на вечеринку? Можно заплести челку и приколоть сбоку, как в прошлый раз.

– Хорошо.

– Что наденешь?

– Пока не решила.

– Надо принарядиться, ведь там будут все. Я приду к тебе пораньше, и приготовимся вместе.

Начиная с восьмого класса Джастин Эттельбрик каждый год на первое июля устраивал грандиозную вечеринку в честь своего дня рождения. К июлю я уже давно была в Казенс Бич, и дом, и школа, и все школьные друзья к тому времени находились для меня на другом конце света. Я ни разу не пожалела, что пропустила эти вечеринки, даже когда Тейлор рассказала про аппарат для сахарной ваты, который его родители однажды взяли напрокат, или про салюты, которые они пускали над озером в полночь.

В первый раз я проводила лето дома и могла пойти к Джастину на день рождения, в первый раз я не поехала в Казенс. Об этом я сожалела. Об этом горевала. Я думала, что проведу в Казенсе каждое лето своей жизни. Я хотела отдыхать только в летнем домике. Я всегда хотела отдыхать только там.

– Ты ведь не передумала, придешь? – спросила Тейлор.

– Да. Я же сказала, что буду.

Она сморщила носик.

– Знаю, но... – Она не договорила. – Неважно.

Я понимала: Тейлор ждет, когда все вернется на круги своя, станет, как прежде. Но как прежде ничего уже не станет. И я не стану такой, как прежде.

Когда-то я верила. Когда-то думала, что стоит как следует захотеть, и все закончится так, как задумывалось. Судьба, любила твердить Сюзанна. Я загадывала Конрада на каждый день рождения, каждая падающая звезда, каждая выпавшая ресничка, каждая монетка в фонтане посвящалась тому, кого люблю. Я думала, так будет всегда.

Тейлор хотела, чтобы я забыла Конрада, стерла его из мыслей и памяти. Она без конца повторяла, что «каждый должен перерасти первую любовь, это как обряд посвящения». Но Конрад – не просто первая любовь. Он не часть обряда. Он значил гораздо больше. Он, и Джереми, и Сюзанна были моей семьей. Мои воспоминания о них всегда будут неразрывно связаны и переплетены между собой. Любое из

них невозможно без остальных.

Если я забуду Конрада, если изгоню его из сердца, при-
творюсь, что его там никогда не было, получится, Сюзанну
ждет та же участь. А этого я сделать никак не могла.

Глава 2

Раньше, как только в июне заканчивались школьные занятия, мы паковали вещи и отправлялись в Казенс. Накануне мама ехала в «Костко»¹ и закупала яблочный сок и большие коробки батончиков, крем от солнца и мюсли. А попроси я хлопья, мама говорила: «Не волнуйся, этого добра, которое перепортит тебе все зубы, наешься у Бек». И, конечно, не ошибалась. Сюзанна – а для мамы Бек – любила детские завтраки не меньше меня. В летнем домике хлопья поглощали в огромных количествах. Этот продукт там никогда не залеживался. Однажды летом мальчишки ели хлопья на завтрак, обед и ужин. Мой брат Стивен уплетал хлопья в глазури, Джереми – кукурузно-овсяные квадратики, а Конрад – кукурузные шарики. Джереми с Конрадом – как истинные сыновья своей матери – обожали хрустящие завтраки. Ну а я ела все, что оставалось, лишь бы там был сахар.

Я ездила в Казенс всю жизнь. Мы не пропустили ни одного лета, ни разу. Почти семнадцать лет я все гналась за мальчишками, надеялась и ждала, что однажды я дорасту до их компании. Летней компании сорванцов. Я, наконец, выросла, вот только слишком поздно. В бассейне, в последнюю ночь последнего лета, мы обещали, что всегда будем туда

---

¹ Costco Wholesale Corporation – крупнейшая в мире сеть складов самообслуживания клубного типа.

возвращаться. Даже страшно, до чего легко забываются обещания. На раз-два.

Вернувшись прошлым летом домой, я стала ждать. Август сменился сентябрем, начались занятия, а я все ждала.

Мы с Конрадом ни о чем не договаривались. Своим парнем я его не называла. Мы всего лишь поцеловались. Он поступил в колледж, где учится миллион других девчонок. Девушек, у которых нет комендантского часа, которые живут в его общежитии, и все – умнее и симпатичнее меня. Загадочные и совершенно незнакомые, какой я для него никогда не буду.

Я думала о нем постоянно: что это значит, кто мы теперь друг для друга? Потому что повернуть все вспять мы уже не могли. Я точно не могла. То, что с нами произошло – со мной и Конрадом, со мной и Джереми, – все изменило. Поэтому, когда минул август и начался сентябрь, а телефон все молчал, мне достаточно было вспомнить, как Конрад смотрел на меня в ту последнюю ночь, и я понимала, что у меня еще есть надежда. Понимала, что мне не показалось. Не могло показаться.

По словам моей мамы, Конрад уже обустроил свою комнату в общежитии и успел устать от назойливого соседа из Нью-Джерси, и Сюзанна беспокоится, что он плохо ест. Мама упоминала об этом обыденно, как бы вскользь, чтобы не задеть мое самолюбие. Я никогда ее не спрашивала. Потому что знала, что он позвонит. Просто знала. Надо было

только подождать.

Звонок раздался на второй неделе сентября, через три недели после того, как мы попрощались. Я ела клубничное мороженое в гостиной и сражалась со Стивеном за пульт от телевизора. Девять вечера в понедельник – лучшее время перед экраном. Зазвонил телефон, но ни я, ни Стивен не кинулись снимать трубку. Кто первый встанет – проиграет битву за телевизор.

Мама ответила на звонок у себя в кабинете. Она вынесла трубку в гостиную и сказала:

– Белли, это тебя. Конрад. – И подмигнула.

У меня внутри все задрожало. В ушах загудел океан. Заплескался, зарокотал. Меня словно охватила эйфория. Редкое ощущение. Я ждала – и вот моя награда! Как же приятно, что моя уверенность, мое терпение себя оправдали.

Но Стивен быстро вывел меня из забытья.

– Зачем Конрад позвонил тебе? – спросил он, нахмурившись.

Не обращая на него внимания, я взяла у мамы трубку. Развернулась и пошла прочь от Стивена, пульта, тающего мороженого. Они меня не интересовали.

Я не произнесла ни слова, пока не добралась до лестницы. И только усевшись на ступеньки, выдохнула в трубку:

– Алло.

Я старалась не улыбаться: знала, что он услышит.

– Алло, – отозвался он. – Как дела?

– Потихоньку.

– Прикинь, – сказал он, – мой сосед храпит даже громче тебя.

Он позвонил и на следующий вечер, и на следующий. Мы болтали часами напролет. Когда раздавался звонок, и к телефону звали меня, а не Стивена, его это поначалу ставило в тупик.

– Чего это Конрад тебе названивает? – допытывался он.

– А ты как думаешь? Я ему нравлюсь. Мы оба друг другу нравимся.

Стивена чуть не стошнило.

– Совсем рехнулся, – покачал он головой.

– Я что, значит, не могу понравиться Конраду Фишеру? – возмутилась я, вызываяще скрестив руки на груди.

– Да, – не моргнув глазом выпалил он. – Значит, не можешь.

И, если честно, он прав.

Я словно окунулась в сон. В иллюзию. Сколько томления, тоски, желанья – длиною в годы, лета напролет, – и *он* звонил *мне*. Хотел со мной поболтать. Я его смешила, даже если ему было не до смеха. Я понимала, что он переживает, потому что я, в каком-то смысле, переживала то же самое. На всем белом свете лишь несколько человек любили Сюзанну так, как мы. Мне казалось, этого достаточно.

Мы чем-то друг для друга стали. И хотя мы никогда не давали этому названия, что-то между нами было. Что-то на-

стоящее.

Несколько раз он приезжал ко мне из колледжа, – а это три с половиной часа пути. А однажды ночевал у нас, потому что мама не захотела отпускать его «в такую темень». Конраду постелили в гостевой комнате, а я несколько часов лежала без сна в своей, думая о том, что он спит совсем рядом, всего в нескольких шагах, подумать только, у меня дома.

Если бы Стивен не лип к нам как банный лист, Конрад, глядишь, осмелился бы меня поцеловать. Но на глазах у брата надеяться было не на что. Скажем, смотрим мы с Конрадом телевизор, а Стивен плюхается на диван аккурат между нами. И заговаривает с Конрадом о чем-нибудь непонятном или совершенно неинтересном, о футболе, например. Как-то после ужина я предложила Конраду сходить в кафе-мороженое, а Стивен тут как тут:

– Я за!

Я свирепо на него уставилась, а он только шире заулыбался. Тогда Конрад взял меня за руку, прямо перед Стивеном, и сказал:

– А поехали все вместе.

И поехали все, даже мама. Я поверить не могла, что хожу на свидания вместе с мамой и братом.

Но, если честно, наша единственная удивительная ночь в декабре от этого стала только слаще. Мы с Конрадом поехали в Казенс, вдвоем. Идеальные ночи бывают так редко, но эта была. Идеальной. Такой ночи стоило подождать.

Я рада, что у нас была эта ночь.

Потому что к маю у меня ничего не осталось.

Глава 3

От Марси я вернулась рано. Сказала Тейлор, что решила отдохнуть перед вечеринкой Джастина. И почти не солгала. Я действительно хотела отдохнуть, но к вечеринке это не имело никакого отношения. Дома я сразу переоделась в свободную футболку с надписью «Казенс», смешала в бутылке виноградную газировку с колотым льдом и, усевшись перед телевизором, пялилась в экран, пока глаза не заболели.

Вокруг царила блаженная тишина. Только тихо бормотал телевизор, да время от времени включался и выключался кондиционер. Дом был в моем полном распоряжении. Стивен на лето устроился в магазин электроники. Он копил деньги на огромный плоский телевизор, который хотел осенью взять с собой в колледж. Мама никуда не уходила, но на целый день запиралась в кабинете, якобы, чтобы навестать дела.

Я ее понимала. Будь я на ее месте, я бы тоже искала одиночества.

Тейлор, вооруженная ядовито-розовой фирменной косметичкой, явилась около шести. Вошла в гостиную, оглядела мое разлегшееся на диване тело в необъятной футболке и нахмурилась:

– Белли, ты еще даже не мылась?

– Утром принимала душ, – ответила я, не поднимаясь.

– Ага, а потом весь день жарилась на солнце. – Я покорно села, когда она потянула меня за руки. – Быстро в душ!

Вслед за ней я поднялась наверх и свернула в ванную. Тейлор ждала в моей комнате, поэтому я вымылась в рекордный срок. Без присмотра она норовит во все сунуть нос и копается в моих вещах, как в своих собственных.

Я обнаружила Тейлор на полу перед зеркалом. Отрывистыми движениями она натирала щеки автозагаром.

– Тебя тоже накрасить? – спросила она.

– Нет, спасибо. Зажмурься, пожалуйста, я оденусь.

Она глянула на меня с упреком, но глаза закрыла.

– Белли, ну ты и скромница.

– А мне плевать, – сказала я, натягивая нижнее белье и все ту же футболку. – Все, можно смотреть.

Тейлор вытаращила глаза и принялась подкрашивать ресницы.

– Как насчет маникюра? – предложила она. – У меня три новых оттенка.

– А смысл? – Я растопырила пальцы. Ногти на них были обкусаны под корень.

Тейлор скривилась.

– А что наденешь-то?

– Вот это. – Сдерживая улыбку, я ткнула пальцем в свою футболку. Я ее так затащила, что на воротнике уже протерлись дырочки, а ткань истончилась и стала мягкой как пух. Жаль, что на вечеринку в ней не пойдешь.

– Смешно, – съязвила Тейлор и на коленках поползла к гардеробу. Потом встала и начала перебирать одежду, шелка вешалками, словно не знала наизусть все, что там находится. Обычно я не возражала, но сегодня меня все цепляло и царапало, поэтому я сказала:

– Да брось. Пойду в обрезанных шортах и майке.

– Белли, к Джастину принято наряжаться. Тебе-то, понятно, откуда знать, но туда нельзя просто натянуть старые шорты.

Тейлор вытащила белый сарафан. В последний раз я надевала его прошлым летом для той вечеринки с Кэмом. Сюзанна сказала, что он очень идет к моему загару.

Я встала, взяла у Тейлор платье и повесила его обратно в гардероб.

– На нем пятно, – объяснила я. – Найду что-нибудь другое.

Тейлор снова уселась перед зеркалом.

– Тогда надень черное с мелкими цветочками. У тебя в нем грудь шикарно выглядит.

– В нем неудобно. Оно слишком тесное.

– Ну, пожалуйста!

Вздыхнув, я сняла его с плечиков и надела. Порой проще уступить Тейлор. Мы с ней дружим с раннего детства, так давно, что дружба успела войти у нас в привычку, от которой захочешь – не откажешься.

– Ну вот, просто конфетка. – Она помогла мне застегнуть молнию. – Теперь давай обсудим стратегию.

– Какую еще стратегию?

– Я считаю, на вечеринке ты должна поцеловать Кори Уилера.

– Тейлор...

Она предупреждающе подняла руку.

– Сначала дослушай. Кори – лапочка и такой симпатяшка. Подкачай он немного мышцы, вообще стал бы как модели из рекламы мужского белья.

Я фыркнула:

– Ну ты даешь!

– Во всяком случае, он ничем не хуже чувака на букву «К». – Она больше не произносила его имени. Говорила только – «сама знаешь кто» или «чувак на букву “К”».

– Тейлор, не дави на меня. Я не могу его разлюбить просто потому, что тебе так хочется.

– Может, хоть попробуешь? – спросила она вкрадчиво. – Кори помог бы тебе забыть. Он против не будет.

– Еще раз заикнешься о Кори, и я на вечеринку не иду, – пригрозила я, и не шутила. Вообще-то, я даже надеялась, что она проболтается, и у меня будет предлог остаться дома.

– Ладно, ладно. Прости, – запаниковала она. – Я молчу.

Она сгрэбла косметичку и уселась на край кровати, а я примостилась у нее в ногах. Тейлор вытащила расческу и отделила прядь моих волос. Быстрыми уверенными движениями она ловко заплела мне французскую косу наподобие ободка, а когда закончила, приколола ее сбоку. Пока Тейлор

работала, мы не проронили ни слова, затем она сказала:

– Тебе очень идет эта прическа. Ты похожа на коренную американку, этакую принцессу племени чероки.

Я засмеялась было, но тут же осеклась. Тейлор перехватила мой взгляд в зеркале и прошептала:

– Знаешь, смеяться можно. И веселиться тоже.

– Знаю, – ответила я, но солгала.

Перед уходом я заглянула к маме в кабинет. Та сидела за столом, заваленным папками и стопками бумаг. Сюзанна назначила ее своим душеприказчиком, что, наверное, подразумевает много бумажной работы. Мама часто созванивалась с юристом Сюзанны и обсуждала разные детали. Она хотела, чтобы все вышло идеально, – это было последнее желание Бек.

И мне, и Стивену Сюзанна завещала какую-то сумму на обучение в колледже. А мне еще и украшения: теннисный браслет с сапфирами (не представляю, куда я в нем пойду), бриллиантовое ожерелье для моей свадьбы (это она указала особым пунктом), опаловый комплект – сережки и кольцо (мои любимые).

– Мам?

Она оторвалась от бумаг:

– Да?

– Ты ужинала?

Я знала, что нет. Пока я была дома, она ни разу не вышла

из кабинета.

– Я не хочу, – отозвалась она. – Если в холодильнике ничего нет, можешь заказать пиццу.

– Сделать тебе сэндвич? – предложила я.

Я купила продукты пару дней назад. Мы со Стивеном ездили в магазин по очереди. А она, возможно, даже забыла, что в субботу День независимости.

– Не стоит. Я чуть позже спущусь и приготовлю себе что-нибудь.

– Ладно. – Я замялась. – Мы с Тейлор идем на вечеринку. Вернись не слишком поздно.

Я отчасти надеялась, что она меня не отпустит. Отчасти сама хотела остаться и составить ей компанию: вдруг она решит посмотреть по телевизору старое кино и похрустеть попкорном.

Но она уже снова перебирала бумажки.

– Хорошо. – Пожевала кончик шариковой ручки. – Будь осторожна!

Я закрыла дверь и спустилась в кухню, где Тейлор, дожидаясь меня, переписывалась с кем-то по телефону.

– Давай уже быстрее, поехали!

– погоди, надо напоследок еще кое-что сделать. – Я открыла холодильник и достала продукты для сэндвича с индейкой. Горчицу, сыр, белый хлеб.

– Белли, на вечеринке будет что поесть. Нечего наедаться заранее.

– Это для мамы, – объяснила я.

Я собрала сэндвич, положила его на тарелку, обернула пищевой пленкой и оставила на столе, чтобы она увидела.

У Джастина было все, как описывала Тейлор. На каждом шагу одноклассники и никаких родителей. Во дворе – бамбуковые факелы, а колонки разве что не трясутся – такая громкая музыка. Девчонки уже танцуют.

А еще большой бочонок пива и красный холодильник для напитков. Джастин переворачивал стейки и колбаски на гриле, на его фартуке был призыв поцеловать повара.

– Да кому он нужен – целоваться с ним, – хмыкнула Тейлор. В начале года, до того, как начала встречаться с Дэвисом, она подбивала клинья к Джастину. Они сходили на пару свиданий, а потом Джастин променял ее на выпускницу.

Я забыла нанести спрей от комаров, поэтому сегодня они пировали за мой счет. Я то и дело нагибалась, чтобы почесать ноги, и была рада. Рада, что мне есть чем заняться. Только бы не встречаться взглядом с Кори. Он веселился у бассейна.

Гости пили пиво из красных пластиковых стаканчиков. Тейлор раздобыла нам коктейли. Мне попался персиковый шнапс с апельсиновым соком: густой напиток с химическим привкусом. Я пару раз глотнула и поспешила от него избавиться.

Тейлор заметила Дэвиса у стола, где играли в «пиво-понг». Она приложила палец к губам и потащила меня в

его сторону. Подойдя сзади, она обхватила его за талию.

– Попался!

Он повернулся и поцеловал ее так жадно, будто они не виделись вечность, а не пару часов. Я стояла рядом, вцепившись в сумочку и стыдливо отводя глаза. На самом деле он – Бен Дэвис, но все зовут его Дэвисом. У него очень симпатичное лицо, ямочки на щеках и глаза, зеленые, как морское стекло. Но роста он невысокого, и Тейлор поначалу это останавливало. Но теперь она не возражает. Я не люблю ездить с ними в школу: они всю дорогу по-семейному держаться за руки, а я, как ребенок, сижу на заднем сиденье. Разбегаются они не реже раза в месяц, хотя вместе всего лишь с апреля. После одной такой ссоры Дэвис позвонил ей и плакал в трубку, моля о прощении. Я сама слышала: Тейлор включила громкую связь. Мне было совестно подслушивать, и вместе с тем завидно. Надо же, как сильно она ему нравится – до слез.

– Пит сейчас пойдет отлить, – сообщил Дэвис, обнимая Тейлор за талию. – Заменишь его ненадолго?

Она взглянула на меня, покачала головой и отступила от него.

– А как же Белли?

Я покосилась на нее.

– Тейлор, не надо со мной нянчиться. Поиграй!

– Ты уверена?

– Конечно уверена.

Не дав ей возразить, я двинулась прочь. Поздоровалась с

Марси, с Фрэнки (мы сидели рядом в автобусе, когда учились в средней школе), Элис (моей лучшей подружкой в детском саду), Саймоном (мы вместе фотографировались для ежегодника). С большинством этих ребят я знакома всю жизнь, и все же никогда еще мне так не хотелось уехать в Казенс.

Краем глаза я заметила, что Тейлор шушукается с Кори, и поскорее сделала ноги, пока она меня не окликнула. Взяла банку газировки и направилась к трамплину. На нем никого пока не было, поэтому я скинула шлепанцы и взобралась наверх. Улеглась в самом центре, прижимая юбку к ногам. Над головой сверкали звезды, бриллиантовые крапинки в ночном небе. Большими глотками я прикончила напиток, пару раз рыгнула и огляделась по сторонам: не слышал ли кто. Но нет, все развлекались около дома. Тогда я начала считать звезды – задумка такая же глупая, как и подсчитывание песчинок, но я все равно попробовала, чтобы хоть чем-то себя занять. Интересно, когда можно будет потихоньку слинять домой? На вечеринку-то мы приехали на моей машине, а после Тейлор могла бы уехать с Дэвисом. И еще интересно, не сочтут ли меня странной, если я заверну себе несколько хот-догов в дорогу?

О Сюзанне я не вспоминала часа два, не меньше. Может, Тейлор права: здесь мне и место? Если я и дальше буду мечтать о Казенсе, оглядываться в прошлое, я обречена.

Пока я размышляла, на трамплин поднялся Кори Уилер.

Он дошел до середины, лег рядом и сказал:

– Привет, Конклин!

Когда это мы с Кори перешли на фамилии? Не было такого!

Но я все же ответила:

– Привет, Уилер!

На него я не смотрела. Упорно считала звезды и старалась не замечать, как он близко.

Кори приподнялся на локте и спросил:

– Веселишься?

– А как же!

У меня заныло в животе. Я схлопочу язву, если и дальше буду бегать от Кори.

– Сколько звезд упало?

– Пока ни одной.

От Кори пахло пивом, пóтом и одеколоном, но, как ни странно, это было приятно. Громко стрекотали сверчки, а звуки вечеринки доносились будто издалека.

– Ну что, Конклин?..

– Что?

– Ты еще встречаешься с парнем, которого приводила на выпускной? Ну тем, со сросшимися бровями?

Я не смогла сдержать улыбку.

– У Конрада не сросшиеся брови. И нет. Мы... э... расстались.

– Здорово.

Его ответ повис в воздухе.

Я вдруг очутилась на развилке. Этой ночью передо мной лежало два пути. Наклонись я самую малость влево, и могла бы поцеловать Кори Уилера. Закрывать глаза и потерять-ся в его объятиях. Забыться и не вспоминать. Притворяться дальше.

Но хоть Кори и симпатяшка, и лапочка, он не Конрад. Куда ему! Кори слишком прост, он как армейская стрижка: четкие линии и одно направление. Конрад не такой. Он мог мне душу наизнанку вывернуть одним взглядом, одной улыбкой.

Кори игриво щелкнул меня по руке.

– Слушай, Конклин, давай...

Я резко села.

– Черт! Хочу писать, – выпалила я первое, что пришло в голову. – Увидимся, Кори!

Я опрометью сбежала по лестнице, нашарила ногами шлепанцы и повернулась к дому. Заметив Тейлор у бассейна, рванула прямо к ней.

– Надо поговорить, – прошипела я.

Я схватила ее за руку и оттащила к столу с закусками.

– Секунд пять назад Кори Уилер чуть не позвал меня на свидание.

– И? Что ты сказала?

У Тейлор заблестели глаза. А самодовольства-то сколько! Будто все идет по плану.

– Что хочу писать, – сообщила я.

– Белли! А ну марш к трамплину и поцелуй его наконец!

– Тейлор, да хватит! Говорю же, мне нет дела до Кори. Я видела, как вы разговаривали. Это ты его на меня натравила?

Она пожала плечом.

– Ну... он весь год по тебе сох, а пригласить все не решался. И, может быть, я легонько подтолкнула его в нужном направлении. Вы, ребята, на трамплине так мило смотрелись.

Я замотала головой.

– Зря ты это сделала.

– Я только хотела отвлечь тебя от мрачных мыслей.

– Меня не нужно отвлекать!

– Еще как нужно!

Мы замолчали, сцепившись взглядами. Бывают дни, как сегодня, когда мне хочется свернуть ей шею. Она так любит распоряжаться. Как же мне надоело, что Тейлор вечно пихает меня туда-сюда и наряжает, как одну из своих потрепанных, неудачливых кукол. И так всегда!

Но теперь у меня появился хороший повод уйти, и я с облегчением сказала:

– Я лучше поеду домой.

– О чем ты? Мы только приехали.

– У меня нет настроения веселиться, ясно?

Думаю, я ей тоже надоела, потому что она бросила:

– Ты еще не устала, Белли? Сколько месяцев ты слоняешься с кислой миной! Это ненормально... Мама считает, тебе надо обратиться за помощью.

– Что? Ты говорила обо мне со своей мамой?! – задохнулась я от ярости. – Так передай своей маме, чтобы она приберегла психиатров для Эллен.

Тейлор потрясенно ахнула:

– Что ты сказала? Я ушам не верю!

Как утверждала мама Тейлор, их кошка Эллен страдала сезонной депрессией. Они всю зиму кормили ее антидепрессантами, а весной, когда капризы никуда не делись, отвезли ее к кошачьему доктору. Все без толку. По мне, так Эллен – самая обыкновенная стерва.

Я вздохнула.

– Я помню, сколько месяцев ты убивалась из-за Эллен. А потом умирает Сюзанна, и ты хочешь, чтобы я целовалась с Кори, играла в «пиво-понг» и забыла про нее? Прости, но не могу.

Тейлор быстро огляделась, затем наклонилась поближе и прошептала:

– Не надо делать вид, что тебе грустно только из-за Сюзанны, Белли. Ты скучаешь и по Конраду, не отрицай.

Теперь уже я не верила ушам. Обидно. Обидно, потому что возразить нечего. Но это все равно удар ниже пояса. Мой отец когда-то называл Тейлор непреклонной. Справедливо. Как бы там ни было, Тейлор – часть моей жизни, а я – часть ее.

– Не всем же быть такими, как ты, Тейлор, – уже без злости сказала я.

– А ты попробуй, – предложила она, слегка улыбнувшись. – Послушай, мне жаль, что так вышло с Кори. Я ведь о твоём счастье забочусь.

– Знаю.

Она обняла меня одной рукой, и я не отстранилась.

– Это лето будет изумительным, вот увидишь.

– Изумительным, – отозвалась я. Этим летом я не хочу изумляться. Я просто хочу его пережить. Жить дальше. Если я выдержу это лето, следующее будет легче. А иначе никак.

Так что я осталась еще ненадолго. Сидела на крыльце с Дэвисом и Тейлор и наблюдала, как Кори флиртует с десятиклассницей. Съела хот-дог. Потом поехала домой.

Сэндвич по-прежнему лежал на столе, все так же в обертке. Я убрала его в холодильник и поднялась наверх. В маминей спальне горел свет, но я не заглянула пожелать ей спокойной ночи. Пошла напрямик в свою комнату, переделалась в вытянутую футболку, расплела косу, почистила зубы, умылась. Потом забралась в кровать и долго лежала, размышляя.

Думала: «Вот так я теперь и живу». Без Сюзанны, без мальчиков. Уже два месяца. Я вытерпела июнь.

Убеждала себя: «Я могу». Могу пойти в кино с Тейлор и Дэвисом, могу плавать в бассейне у Марси, могу, пожалуй, даже сходить на свидание с Кори. Если смогу, все получится. Позволь я себе забыть, как хорошо было в прошлом, вдруг мне действительно станет легче?

А когда заснула, увидела Сюзанну и летний домик и даже во сне точно помнила, как хорошо было в прошлом. Как правильно. Что ни делай, как ни старайся, а сны не обманешь.

Глава 4

Джереми

Когда видишь собственного отца в слезах, крыша едет, и сильно. Может, конечно, не у всех. У кого-то, наверное, отцы не находят зазорным плакать и свободно выражают свои чувства. Но не у нас. Наш отец не плакса и наших слез уж точно никогда не одобрял. Но в больнице, а затем и в похоронном бюро он рыдал, как потерянный ребенок.

Мама умерла рано утром. Все произошло так быстро – я даже не сразу понял, не сразу осмыслил, что все это на самом деле. Сразу никогда не доходит. Но поздно вечером, первым вечером без нее, дома остались только мы с Конрадом. Впервые за много дней.

В доме стало так тихо. Папа с Лорел уехали в похоронное бюро. Родственники ночевали в гостинице. Остались только мы с Коном. Весь день люди то приходили, то уходили, а теперь остались только мы.

Мы сидели за кухонным столом. Чего нам только не прислали соблезнующие! Корзины с фруктами, блюда с бутербродами, кофейный кекс. Сдобное печенье из «Костко» в большой жестяной коробке.

Я отломил кусок кофейного кекса и сунул его в рот. Слишком сухой. Оломил еще кусок, прожевал. Спросил Конрада:

– Хочешь?

– Неа.

Он пил молоко. Не просроченное, случайно? Не помню, когда последний раз кто-нибудь ездил за продуктами.

– Что будет завтра? – спросил я. – Все соберутся здесь?

Конрад пожал плечами.

– Возможно. – На верхней губе у него появились молочные усы.

Больше мы ничего не говорили. Он поднялся в свою комнату, а я прибрал кухню. Почувствовал, что устал, и тоже поднялся. Подумал зайти к Конраду: хоть мы и молчали, вместе все равно лучше, не так одиноко. Я замешкался в коридоре, не решаясь постучать, и тут услышал плач. Сдавленные всхлипы. Я не постучался. Не стал приставать. Знал, что ему бы хотелось побыть одному. Я пошел в свою комнату и лег в кровать. И тоже заплакал.

Глава 5

На похороны я надела свои старые очки, в красной пластмассовой оправе. Они сидели слишком тесно, как старое-престарое пальто. В них кружилась голова, но я все равно их не снимала. Сюзанне я в этих очках всегда нравилась. Она говорила, что в них я выгляжу очень умной – как девушка, которая движется к цели и точно знает, как ее достичь. Я сделала прическу с локонами, потому что так любила Сюзанна. Она говорила, эта прическа подчеркивает мое лицо.

Мне показалось, что это правильно – выглядеть так, как она одобряла. Я знаю, она это говорила только для того, чтобы сделать мне приятно, но ее слова звучали искренне. Я верила всему, что говорила Сюзанна. Я ей поверила, даже когда она пообещала не оставлять нас. Думаю, ей все тогда поверили, даже мама. Смерть Сюзанны нас поразила: даже когда она стала неизбежной, превратилась в факт, мы сомневались до конца. Ведь это невозможно. Только не с нашей Сюзанной, не с Бек. Сколько раз мы слышали о чудесных выздоровлениях, исцелениях вопреки всем прогнозам. Я была уверена, что это про Сюзанну. Даже если выздоровление – это исключительный случай. Потому что она сама была исключительной.

Ее состояние ухудшалось очень быстро. Так быстро, что мама начала курсировать между нашим домом и домом Сю-

занны в Бостоне каждые вторые выходные, а потом все чаще. Ей пришлось взять отпуск за свой счет. В доме Сюзанны ей выделили комнату.

Звонок раздался рано утром. Еще не рассвело. Звонили, конечно, с плохими новостями: только такие новости не могут подождать. Услышав звонок, еще сквозь сон, я поняла. Сюзанны нет. Я лежала в постели и ждала, когда мама придет и скажет. Я слышала, как она ходит в своей комнате, как включился и выключился душ.

Мама так и не появилась, так что я пошла к ней. Она собирала вещи. Волосы у нее еще не высохли после душа. Она посмотрела на меня пустым усталым взглядом.

– Бек больше нет, – сказала она. И все.

Внутри у меня все оборвалось. Подкосились колени. Я осела на пол и прислонилась к стене, чтобы не рухнуть совсем. Раньше я думала, что знаю, как разбивается сердце. Думала, разбитое сердце – это когда стоишь одна на выпускном. Как же я ошибалась! Вот оно, разбитое сердце. Это боль в груди, это резь в глазах. Осознание, что ничего уже не будет как прежде. Все в мире, наверно, относительно. Кажется, что знаешь настоящую любовь, знаешь боль, но это не так. Ты ничего не знаешь.

Когда я заплакала, не помню. Но как только хлынули слезы, я уже не могла их остановить. И вздохнуть не могла.

Мама подошла ко мне, села рядом и обняла, раскачивая из стороны в сторону. Но она не плакала. Ее там даже не

было. Остался лишь прямой камыш, пустая гавань.

Мама уехала в Бостон в тот же день. Она и домой-то приехала только для того, чтобы меня проведать да сменить одежду. Думала, что время еще есть. А ей следовало быть рядом, когда умерла Сюзанна. Хотя бы ради мальчиков. Она наверняка думала о том же.

Образцово назидательным тоном она сказала, чтобы мы со Стивеном приехали через два дня, на похороны. Она не хотела, чтобы мы мешали во время подготовки: столько всего еще предстояло сделать, столько дел завершить.

Исполнителем завещания назначили маму. Сюзанна ни секунды не сомневалась, кого выбрать. И верно, нет человека, более подходящего на эту роль. Они начали приводить дела в порядок еще до смерти Сюзанны. Мама лучше всего переносила потрясения, когда чем-нибудь занималась, что-то делала. Если кто-то в ней нуждался, она не расклеивалась. Нет, она была на высоте. Жаль, этот ген не передался мне. Потому что я растерялась. Не понимала, куда себя деть.

Я хотела позвонить Конраду. Даже несколько раз набирала его номер. Но не смогла. Не знала, что ему сказать. Я боялась ляпнуть что-нибудь не то, все испортить. Еще я подумала, что надо позвонить Джереми. Но испугалась. Позвонить, произнеси это вслух, и слова превратятся в реальность. Ее не станет по-настоящему.

Во время поездки мы разговаривали мало. Единственный

костюм Стивена, который он еще недавно надевал на выпускной, висел в полиэтиленовом пакете на заднем сиденье. Свое платье я повесить не удосужилась.

– Что мы им скажем? – спросила я наконец.

– Не знаю, – признался он. – Я только один раз бывал на похоронах, у тети Ширли, а она умерла совсем старой.

Я тогда была слишком мала, чтобы что-нибудь запомнить.

– Где мы будем сегодня ночевать? В доме Сюзанны?

– Понятия не имею.

– Как, по-твоему, держится мистер Фишер?

Состояние Конрада или Джереми я представить пока не решалась.

– Виски, – только и ответил Стивен.

Больше вопросов я не задавала.

В черное мы переоделись на автозаправке, не доезжая километров пятьдесят до похоронного бюро. Увидев Стивена в аккуратном отутюженном костюме, я пожалела, что не повесила платье. Всю оставшуюся дорогу я безуспешно приглаживала юбку ладонями. А ведь мама предупреждала, что вискоза – сложный материал. Почему я не прислушалась? И почему упаковала платье, даже не примерив? Последний раз я его надевала на банкет в мамином университете три года назад, и теперь оно мне было явно не по размеру.

Мы приехали рано. Мама еще сновала вокруг, поправляя букеты или переговариваясь о чем-то с мистером Брауном,

распорядителем похорон. Увидев меня, она нахмурилась.

– Могла бы погладить платье, Белли.

Я прикусила губу, чтобы не ляпнуть чего-нибудь, в чем потом наверняка раскаюсь.

– Времени не было, – соврала я, потому что время было.

Вагон и маленькая тележка.

Я одернула низ, чтобы платье не казалось слишком уж коротким. Мама скупно кивнула.

– Идите поищите мальчиков, ладно? Белли, поговори с Конрадом.

Мы со Стивеном переглянулись. Что я ему скажу? Мы уже месяц не разговаривали, с моего выпускного вечера.

Мальчики оказались в боковом зале, где были расставлены деревянные скамьи и лакированные коробочки для бумажных платков. Джереми склонил голову, словно в молитве, хотя, сколько я его помню, он никогда не молился. Конрад сидел ровно, расправив плечи и глядя в пустоту.

– Привет, – сказал Стивен, прокашливаясь. Затем подошел и коротко обнял обоих.

Я вдруг поняла, что еще никогда не видела Джереми в костюме. Костюм казался тесноватым, Джереми было явно неудобно: он то и дело оттягивал воротник. А вот ботинки выглядели новыми. Может, наша мама помогла выбрать?

Когда Стивен отошел, я поспешила к Джереми и обняла его крепче. Он напрягся и произнес необычно сдержанным тоном:

– Спасибо, что приехала.

У меня промелькнула мысль, что он на меня сердится, но я тут же отмахнулась от нее. Мне стало совестно, что она вообще у меня появилась. Это же похороны Сюзанны, с какой стати ему задумываться обо мне?

Я неуклюже то ли похлопала, то ли погладила его по спине, выводя ладонью небольшие круги. Глаза его стали невозможного голубого цвета – верный признак того, что он плакал.

– Мне очень жаль, – проронила я и сразу захотела взять свои слова обратно: они такие бесполезные. Они не передают то, что я действительно хочу сказать, что я по-настоящему чувствую. Фраза «мне жаль» – такая же убогая, как вискоза.

Я взглянула на Конрада. Он вновь опустился на скамью: спина напряжена, белая рубашка безнадежно измята.

– Привет, – поздоровалась я, присаживаясь рядом.

– Привет, – отозвался он.

Я не знала, обнять его или не трогать. Поэтому только стиснула его плечо – он ничего не сказал. Словно окаменел. Я пообещала себе, что весь день от него не отойду. Буду рядом – его надежная опора, прямо как моя мама.

Мы с мамой и Стивеном сидели в четвертом ряду, за двоюродными братьями Конрада и Джереми, позади брата мистера Фишера и его жены, перестаравшейся с духами. По мне, так мамино место было в первом ряду. Я ей так и сказала, шепотом. Она чихнула и ответила, что это неважно. По-

жалуй. Она сняла пиджак и прикрыла им мои колени.

Один раз я обернулась и заметила в задних рядах отца. Я почему-то не ожидала его увидеть. Что странно, потому что он тоже знал Сюзанну, и вполне логично, что он приехал на похороны. Я тихонько ему помахала – он помахал в ответ.

– Папа здесь, – прошептала я маме.

– Конечно, здесь.

Она не обернулась.

На задних рядах собрались школьные друзья Джереми и Конрада. Выглядели они нелепо и неуместно. Парни сидели, склонив головы, а девушки нервно перешептывались.

Служба затянулась. Надгробную речь произносил незнакомый мне священник. Он рассказывал, какой хорошей была Сюзанна. Какой доброй, отзывчивой, обходительной. Да, это все про нее, но говорил он так, будто сам никогда ее не встречал. Я наклонилась к маме, чтобы поделиться этой мыслью, но она согласно кивала ему головой.

Я думала, больше не расплачусь, но слез пролила еще немало. Мистер Фишер встал и поблагодарил всех, кто пришел, и позвал после похорон на поминки в дом. Несколько раз голос у него срывался, но он держал себя в руках. Когда мы последний раз виделись, он был загорелым, уверенным в себе и будто выше ростом. А сейчас он выглядел так, словно заблудился в буряне. Ссутуленные плечи, бледное лицо. Как, должно быть, тяжело ему стоять там, на виду у всех, кто любил Сюзанну. Он ее предал, бросил, когда она нуждалась в

нем больше всего, но в конечном итоге все же вернулся. Последние несколько недель он был рядом и держал ее за руку. Может, он тоже думал, что время еще есть.

Сюзанну хоронили в закрытом гробу. По словам мамы, Бек не хотела, чтобы все глазели на нее, когда она не в самом лучшем виде. Покойники выглядят фальшиво, объясняла та. Будто их слепили из воска. Я напредила себе, что тело в гробу – это не Сюзанна, и неважно, как оно выглядит, потому что Сюзанны там уже нет.

Служба закончилась, мы прочитали «Отче наш», и все выстроились длинной вереницей, по очереди выражая соболезнования. Бок о бок с мамой и братом я вдруг почувствовала себя непривычно взрослой. Мистер Фишер наклонился и безучастно обнял меня, в глазах его стояли слезы. Он пожал руку Стивену, а, когда обнял маму, она прошептала что-то ему на ухо, и он кивнул.

Когда я обнимала Джереми, мы оба так рыдали, что, не поддерживай друг друга, упали бы на пол. Плечи у него безостановочно тряслись.

Когда обнимала Конрада, я хотела что-нибудь ему сказать, чтобы утешить. Что-то получше, чем «мне жаль». Но объятие закончилось слишком быстро – ни на что другое времени не осталось. Позади меня толпилась еще целая очередь, и все хотели принести соболезнования.

Кладбище находилось неподалеку. У меня каблуки то и дело застревали в земле: должно быть, накануне прошел

дождь. Перед тем, как Сюзанну опустили во влажную могилу, Конрад и Джереми положили на крышку гроба по белой розе, а за ними цветы возложили и все остальные. Я принесла розовый пион. Кто-то спел гимн. Когда все закончилось, Джереми не сдвинулся с места. Так и стоял у самой могилы и плакал. К нему подошла моя мама. Она взяла его за руку и заговорила с ним мягко-мягко.

Вернувшись в дом Сюзанны, мы с Джереми и Стивеном улизнули в комнату Джереми. В парадной одежде мы уселись на его кровать.

– Где Конрад? – спросила я. Я не забыла про свое обещание, но он усложнял мне задачу, то и дело куда-то пропадая.

– Оставьте его ненадолго в покое, – посоветовал Джереми. – Вы, ребята, есть хотите?

Я хотела, но не собиралась в этом признаваться.

– А ты?

– Да, немного. У нас полно еды... внизу.

На последнем слове его голос задержался. Я понимала, как ему не хочется спускаться вниз, смотреть в глаза собравшимся и видеть там жалость. «Как печально, – покачают они головой, – что такие юные мальчики остались без матери!» Его друзья на поминки не пришли, разъехались сразу после похорон. Там внизу собрались только взрослые.

– Я схожу, – вызвалась я.

– Спасибо, – сказал он с благодарностью.

Я встала и вышла, закрыв за собой дверь. На лестнице остановилась, чтобы рассмотреть семейные портреты: все на матовой бумаге и в одинаковых черных рамках. На одной фотографии изображен Конрад в галстук-бабочке, с дырками вместо передних зубов. На другой – восьмилетний Джереми в кепке с эмблемой «Ред Сокс», которую не снимал, наверное, все лето. Он утверждал, что это счастливая кепка, и носил ее каждый день на протяжении трех месяцев. Раз в пару недель, пока он спал, Сюзанна тайком стирала ее и кладала на прежнее место.

Внизу взрослые бродили по комнатам, потягивая кофе и разговаривая приглушенными голосами. Мама стояла у фуршетного стола и отрезала куски пирога для незнакомцев. Во всяком случае, незнакомцев в моих глазах. А она, интересно, с ними знакома? И знают ли они, кем она приходилась Сюзанне, что они были лучшими подругами и почти всю свою жизнь каждое лето проводили вместе?

Я взяла пару тарелок, мама помогла наполнить их едой.

– У вас там наверху все хорошо? – спросила она, подкладывая на тарелку кусочек голубого сыра.

Я кивнула, возвращая его на блюдо.

– Джереми не любит голубой сыр, – объяснила я, беря вместо этого стопку галет и гроздь зеленого винограда. – Ты видела Конрада?

– По-моему, он в подвале. – Поправляя сыр на блюде, она добавила: – Может, сходишь, посмотришь, как он там, заод-

но отнесешь ему тарелку? А эту я сама наверх отнесу.

– Ладно. – Я взяла тарелку, пересекла столовую и увидела Джереми со Стивенсом. Они спускались по лестнице. Потом Джереми остановился поговорить с какими-то людьми, покорно перенося их объятия и рукопожатия. Наши взгляды пересеклись, я подняла ладонь и едва заметно ему помахала. Он сделал то же самое и чуть скептически скосил глаза в сторону женщины, цепляющейся за его руку. Сюзанна бы им гордилась.

Я направилась в подвал. Сюзанна обустроила его для Конрада, когда тот увлекся электрогитарой. Подвал тогда обили коврами и улучшили звукоизоляцию.

Ступив на лестницу, я очутилась в темноте. Конрад не включил свет. Я подождала, пока глаза привыкнут, и осторожно, ощупью спустилась вниз.

Нашла я его быстро. Конрад лежал на диване, пристроив голову на коленях какой-то девушки. Она гладила его по голове, обыденно, словно так и надо. Девушка выглядела загоревшей, хотя лето только-только началось. Она сняла обувь и положила голые ноги на кофейный столик. А Конрад – он гладил ей ногу.

У меня внутри все сжалось и напряглось.

Я видела ее на похоронах. Подумала, что она очень хорошенькая. Даже заинтересовалась, откуда она. Похоже, из Восточной Азии. А может, индианка? Черноволосая, темноглазая, одета в черную мини-юбку и черно-белую блузку в

горошек. И повязка, на голове у нее была черная повязка.

Она заметила меня первой.

– Привет, – поздоровалась.

Только тогда Конрад обернулся и увидел меня в дверях с тарелкой сыра и крекеров. Он сразу сел.

– Это для нас еда? – спросил он, избегая моего взгляда.

– Мама попросила передать, – отчего-то тихо сказала я. Я подошла и поставила тарелку на кофейный столик. Мгновение помялась, не зная, что делать дальше.

– Спасибо, – произнесла девушка тоном, которым, скорее, отпускают подчиненного: «Можешь идти». Не заносчиво произнесла, но так, что стало понятно: я помешала.

Я медленно попятилась из комнаты, а, добравшись до лестницы, бросилась наверх. Продираясь сквозь толпу в гостиной, я слышала за спиной Конрада.

– погоди! – крикнул он.

Я уже почти пересекла вестибюль, но Конрад догнал меня и схватил за плечо.

– Чего тебе? – огрызнулась я, стряхивая его руку. – Пусти!

– Это Обри, – сказал он, разжимая пальцы.

Обри. Девушка, разбившая Конраду сердце. Я по-другому ее себе представляла. Блондинкой. Не такой хорошенькой. Этой девушке я не соперница.

– Простите, что прервала ваше воссоединение.

– Ну что ты как маленькая?

В жизни бывают мгновения, которые всем сердцем хочет-

ся отменить. Вроде как отправить в небытие. Если б мог, заодно и себя отправил бы туда же, только бы этого мгновения не случилось.

Для меня такой стала следующая секунда.

В день, когда похоронили его мать, парню, которого люблю больше всего на свете, я сказала:

– Иди ты к черту!

Хуже этого я никогда никому не говорила. Ни разу в жизни. Не то чтобы я раньше не произносила этих самых слов. Но его взгляд... я не забуду ни за что. От его взгляда захотелось умереть. В нем подтверждались мои самые гадкие самоуничижительные мысли, то, что – молишься и надеешься – никто и никогда о тебе не узнает. Потому что, если б узнали, поняли бы, кто ты есть на самом деле, и с презрением отвернулись.

– Мне стоило догадаться, что с тобой этим и закончится, – выдавил Конрад.

– Что это значит? – спросила я жалким голосом.

Он стиснул зубы и пожал плечами.

– Забудь.

– Нет, ты скажи!

Он развернулся, чтобы уйти, но я встала на его пути.

– Говори! – потребовала я, распаяясь.

Он взглянул на меня и сказал:

– Я знал, что зря мы с тобой что-то начали. Ты ведь еще ребенок. Как же я ошибся!

– Я тебе не верю!

Гости вокруг стали оборачиваться. Мама стояла в гостиной с людьми, которых я не знала. Когда я заговорила, она подняла голову. Но я боялась на нее даже взглянуть – так у меня горело лицо.

Я понимала, что правильнее всего сейчас уйти. Знала, что именно так и надо поступить. В тот миг я словно мысленно взлетела под потолок и со стороны увидела себя и то, как все остальные на меня смотрят. Но когда Конрад лишь пожал плечами и снова двинулся прочь, я почувствовала такую ярость, ощутила себя такой... ничтожной. Я и хотела бы себя остановить, но не могла.

– Я тебя ненавижу!

Конрад обернулся и кивнул, как будто именно это и ожидал услышать.

– Хорошо.

В его взгляде ясно читалось: «Какая же ты жалкая. Я сыт тобой по горло. Все, хватит!» У меня подкосились ноги.

– Не хочу тебя больше видеть! – крикнула я и, оттолкнув его, так быстро взбежала по лестнице, что споткнулась о верхнюю ступеньку. Упала и больно ударилась коленями. Кто-то, кажется, ахнул. Я едва видела сквозь слезы, застилавшие глаза. Слепо встала и ринулась в гостевую комнату.

Там я сняла очки, легла на кровать и разрыдалась.

Я не Конрада ненавидела. А себя.

Немного погодя поднялся отец. Он несколько раз посту-

чал, и, не услышав ответа, вошел и присел на край кровати.

– Как ты? – спросил он таким ласковым голосом, что из уголков глаз у меня вновь потекли слезы. Не надо со мной так разговаривать, я этого не заслужила.

Я перекатилась на другой бок, спиной к нему.

– Мама сердится?

– Нет. Конечно нет, – заверил он. – Спускайся вниз со всеми попрощаться.

– Не могу.

Как я могла пойти вниз и смотреть людям в глаза после такой сцены? Исключено. Какой позор, и я сама его на себя навлекла.

– Белли, что у вас с Конрадом произошло? Вы поссорились? Между вами все кончено?

Так странно слышать от папы «все кончено». Я не могла с ним это обсуждать. Слишком уж это дико.

– Пап, я не могу с тобой об этом говорить. Просто оставь меня, ладно? Я хочу побыть одна.

– Ладно, – уступил он, и по голосу я поняла, что он обиделся. – Хочешь, позову маму?

Ее я хотела видеть в последнюю очередь. Я тут же выпалила:

– Нет, пожалуйста, не надо.

Кровать скрипнула, папа встал и, уходя, закрыл за собой дверь.

Мне хотелось только к Сюзанне. К ней и ни к кому боль-

ше. И вдруг в голове у меня словно прояснилось. Я уже никогда не буду чьей-то любимицей. Никогда не буду снова ребенком, не так как прежде. Теперь всему этому пришел конец. Ее больше нет.

Я надеялась, что Конрад меня услышал. Надеялась, что больше его не увижу. Если я когда-нибудь снова с ним встречу, если он посмотрит на меня так, как в тот день, я сломаюсь.

Глава 6

3 июля

Когда с утра пораньше зазвонил телефон, я сразу подумала: «Так рано могут звонить только с плохими новостями». И не ошиблась.

Я, наверное, еще не до конца проснулась, когда услышала его голос. На одну бесконечную секунду мне показалось, что звонит Конрад, и я целую секунду не могла перевести дыхание. Одного звонка от Конрада достаточно, чтобы я забыла, как дышать. Но звонил не он. А Джереми.

Они ведь, в конце концов, братья, у них похожие голоса. Похожие, но не одинаковые. И вот он – Джереми – говорит:

– Белли, это Джереми. Конрада нет.

– Что значит «нет»?

Сон как рукой сняло, сердце ушло в пятки. Слово «нет» для меня приобрело другой смысл, какого раньше не содержало. Получило оттенок безвозвратности.

– Пару дней назад он сбежал с летних курсов и до сих пор не явился. Не знаешь, где он может быть?

– Нет.

После похорон Сюзанны мы с Конрадом не разговарива-

ли.

– Он пропустил два экзамена. Это на него не похоже.

Голос Джереми звучал отчаянно, на грани паники. Я никогда его таким не слышала. Джереми всегда говорил непридуманно, всегда смеялся, ни к чему не относился серьезно. Но он был прав: такой поступок не в духе Конрада, он никогда бы не уехал, никого не предупредив. Во всяком случае, не прежний Конрад. Не тот Конрад, которого я любила с десяти лет, только не он.

Я села, потирая глаза.

– Ваш отец в курсе?

– Да. Он тут с ума сходит. Для него такие выкрутасы – это слишком.

Да, с выкрутасами лучше бы к Сюзанне, а не к мистеру Фишеру.

– И что ты собираешься делать, Джер?

Я пыталась говорить, как говорила бы мама. Спокойно, рассудительно. Будто я не перепугалась до смерти при мысли о том, что Конрад исчез. Дело не столько в том, что он мог попасть в беду, сколько в том, что, раз он уехал, взаправду уехал, то мог никогда не вернуться. А это пугало меня так, что словами не выразить.

– Не знаю. – Джереми шумно выдохнул. – Его телефон уже почти неделю выключен. Поможешь мне его найти?

– Да. Конечно. Конечно, помогу, – не задумываясь, выпалила я.

В ту минуту мне все было предельно ясно. Вот мой шанс помириться с Конрадом. С моей точки зрения, именно этого шанса я и ждала, сама того не подозревая. Словно два последних месяца я жила в забытьи, и только теперь наконец проснулась. Обрела цель и смысл.

Тогда, в последний день, я наговорила ему ужасных слов. Непростительных. Может, помощи я ему хоть немножко, и мне удалось бы наладить то, что испорчено?

И все же, как бы ни пугало меня исчезновение Конрада, как бы я ни стремилась искупить свои слова, возможность вновь его увидеть вселяла ужас. Никто на всей планете не действовал на меня так, как Конрад Фишер.

Мы с Джереми закончили разговор, и я ураганом заметалась по комнате, кидая в большую дорожную сумку нижнее белье и футболки. Сколько мы будем его искать? Не случилось ли с ним чего? Я бы знала, если бы случилось, ведь так? Я собрала зубную щетку, расческу. Раствор для линз.

Мама гладила белье на кухне. Она смотрела перед собой невидящими глазами, ее лоб пересекала одна большая морщина.

– Мам? – позвала я.

Она вздрогнула и взглянула на меня.

– Что? Что такое?

Я заранее придумала, что сказать.

– Тейлор с Дэвисом снова расстались, и она вроде как не в себе. Я сегодня у нее переночую. Может, и завтра тоже.

Посмотрим, как она будет себя чувствовать.

Я затаила дыхание: что она скажет? Моя мама – ходячий детектор лжи, я таких, как она, еще не встречала. Это не просто материнское чутье, в нее словно встроен прибор наведения. Но никакой тревожный сигнал не сработал, не зазвенел звоночек, не завывала сирена. Она глядела все так же отрешенно.

– Хорошо, – ответила она, снова принимаясь за глажку.

А через секунду добавила:

– Поправила вернуться завтра к вечеру. Я приготовлю палтуса.

Она поправила брюки на гладильной доске. Я свободна как ветер. И должна была бы вздохнуть с облегчением, но облегчение что-то не наступало.

– Постараюсь.

На мгновение мелькнула мысль: может, признаться? Уж кто-кто, а она поймет. И захочет помочь. Она их обоих любит. Это ведь мама возила Конрада к врачу, когда он сломал руку, упав со скейтборда, потому что Сюзанну так трясло, что она не могла вести машину. Моя мать излучает спокойствие и невозмутимость. Она всегда знает, что делать.

Или, во всяком случае, знала. Сейчас я в этом не так уверена. Когда Сюзанне снова стало плохо, мама включила автопилот, делала то, что требовалось. Едва жила. На днях, спускаясь из своей комнаты, я застала ее в прихожей с веником. У нее были такие красные глаза, что я испугалась. Не в ее при-

вычках плакать. Увидев ее вот такой, живой и настоящей, я едва не засомневалась, что это действительно она.

Мама поставила утюг, взяла с кухонной стойки сумку и вытащила бумажник.

– На вот, угости Тейлор мороженым. – Она сунула мне двадцатку.

– Спасибо, мам, – поблагодарила я, засовывая деньги в карман. Потом пригодится, на бензин.

– Хорошего вечера!

И она снова ушла в себя. Взгляд опустел. Руки водили утюгом по уже проглаженным брюкам.

Только сев в машину и отъезжая от дома, я наконец расслабилась и вздохнула. Какое облегчение! Не надо больше слушать мамино молчание и ловить ее грустные взгляды, во всяком случае, сегодня. Мне тяжело оставлять ее одну и тяжело оставаться с ней, потому что она напоминает мне о том, что больше всего хочется забыть. Что Сюзанны нет, и она не вернется, и никто из нас уже никогда не станет таким, как прежде.

Глава 7

В доме Тейлор парадную дверь почти никогда не запирали. Ее лестницу с длинными перилами и деревянными ступенями я знала, как свою родную.

Я без стука вошла в дом и поднялась в спальню Тейлор. Та лежала на животе и листала журналы. Увидев меня, она села и спросила:

– Ты мазохистка или как?

Бросив сумку на пол, я опустилась рядом с подругой. Я позвонила ей по дороге и выложила все как на духу. Не собиралась, само собой как-то вышло.

– Чего ты рвешься его искать? – допытывалась она. – Он уже не твой парень.

Я вздохнула:

– Он никогда им, в общем, и не был.

– Вот именно! – Она перелистнула несколько страниц в одном из журналов и передала его мне: – Зацени. Так и вижу тебя в этом бикини. Вот в этом, белом, без бретелек. С твоим загаром будет соблазнительно смотреться.

– Джереми скоро придет, – сказала я, заглянув в журнал и возвращая его обратно. Я себя в этом бикини не представляла. Зато представляла ее.

– Тебе точно стоило выбрать Джереми, – заявила она. – Конрад реально псих какой-то.

Сколько раз я ей объясняла, что нельзя взять и просто выбрать одного из них. Ничего вообще не бывает просто. У меня и выбора-то, по сути, никакого не было.

– Конрад не псих, Тейлор.

Она так и не простила Конрада за то, что не приглянулась ему тем летом, когда приезжала ко мне в Казенс в четырнадцать лет. Тейлор привыкла нравиться мальчикам, ей было в новинку, что ее не замечают. А Конрад как раз не замечал. В отличие от Джереми. Стоило ей похлопать в его сторону своими огромными карими глазами, и он пал к ее ногам. Джери – так она его называла, кокетливо поддразнивая, как обожают мальчишки. И Джереми охотно ел из ее рук, пока она не бросила его ради Стивена, моего брата.

Тейлор поджала губы и процедила:

– Ну ладно, ну перегнула палку – слегка. Может, он и не псих. Ну и что? Ты всю жизнь собираешься сидеть и дожидаться, когда он соизволит до тебя снизойти?

– Нет! Но у него какая-то беда. И ему сейчас как никогда нужны друзья, – оправдывалась я, теребя торчащую из ковра нить. – Что бы между нами ни произошло, мы навсегда останемся друзьями.

Она картинно закатила глаза.

– Как скажешь. Я на эту затею соглашаюсь только для того, чтобы ты расставила точки над «i».

– Точки над «i»?

– Да. Я поняла, что это единственный выход. Тебе надо

встретиться с Конрадом лицом к лицу и сказать, что ты к нему остыла и больше не собираешься играть в его игры. Тогда, и только тогда, ты сможешь оставить его в прошлом и жить дальше.

– Тейлор, я ведь тоже не невинная овечка. – Я с трудом сглотнула. – Когда мы виделись в последний раз, я вела себя омерзительно.

– Неважно. Смысл в том, что тебе надо двигаться вперед. Найти кого-нибудь получше. – Она окинула меня оценивающим взглядом. – Таких, как Кори. Хотя, кстати, сомневаюсь, что после вчерашнего у тебя с ним еще что-то получится.

Кажется, что со вчерашней ночи прошла тысяча лет.

– Слушай, – постаралась я принять покаянный вид, – еще раз спасибо, что разрешила оставить у тебя машину. Если мама позвонит...

– Белли, ты чего? За кого ты меня принимаешь? Я же гений по части вранья родителям, в отличие от тебя. – Она хмыкнула. – Ты ведь успеешь вернуться до завтрашнего вечера? Помнишь, родители Дэвиса пригласили нас покататься на лодке? Ты обещала.

– Это же не раньше восьми-девяти вечера. К тому времени я точно вернусь. Кроме того, – заметила я, – я тебе ничего не обещала.

– Так пообещай сейчас, – велела она. – Обещай, что приедешь.

– На что я тебе здесь сдалась? – спросила я, посмотрев в

потолок. – Чтобы снова натравить на меня Кори Уилера? Я тебе не нужна. У тебя есть Дэвис.

– Еще как нужна, несмотря на то, что лучшая подруга из тебя ужасная. А парни и лучшие подруги – не одно и то же, как ты прекрасно знаешь. Просто мы скоро поедем в колледж. А если мы поступим в разные? Что тогда?

Тейлор уставилась на меня с упреком.

– Ладно, ладно. Обещаю.

Тейлор все еще лелеяла надежду, что мы обе будем учиться в одном колледже, как мы всегда и собирались.

Она протянула мне руку, и мы сцепились мизинцами.

– Ты поедешь вот в этом? – вдруг спросила Тейлор.

Я опустила взгляд на свой серый топ:

– Ну да.

Она так быстро замотала головой, что ее светлые волосы разлетелись по сторонам.

– Вот в этом ты планируешь встретить Конрада в первый раз?

– Я не на свидание еду, Тейлор.

– Когда встречаешь бывшего, надо выглядеть на все сто. Это вроде как первое правило разрывов. Он должен подумать: «Черт! Как я мог отказаться от этого!?» Только так.

Это мне в голову не приходило.

– Мне все равно, что он подумает, – заверила я ее.

Она уже рылась в моей сумке.

– У тебя здесь только нижнее белье да футболка. И этот

древний топ. Грр! Ненавижу твой топ. Его давно пора отправить на пенсию.

– Да брось, – запротестовала я. – Хватит копаться в моих вещах.

Тейлор подскочила ко мне с сияющим от волнения лицом.

– Пожалуйста, Белли, можно я соберу твою сумку? Ну пожалуйста, я буду так счастлива!

– Нет, – отрезала я как можно тверже. С Тейлор твердость необходима. – Я, наверно, завтра уже вернусь. Мне больше ничего не нужно.

Не обратив на мои слова никакого внимания, Тейлор исчезла в недрах своего гардероба.

У меня зазвонил телефон – Джереми. Перед тем как снять трубку, я выкрикнула:

– Тей, я серьезно.

– Не парься. Дело в шляпе. Считай меня своей фе-ей-крестной, – донеслось из гардероба.

Я ответила на звонок:

– Привет. Ты где?

– Довольно близко. Около часа езды. Ты у Тейлор?

– Да, – ответила я. – Рассказать тебе еще раз, как добрат-ся?

– Нет, я помню. – Он умолк, и на секунду я решила, что он уже повесил трубку. Но затем он сказал: – Спасибо, что помогаешь.

– Да ладно тебе, – протянула я.

Я хотела что-то добавить, например, что он – один из моих лучших друзей и я в каком-то смысле даже рада, что появилась причина снова с ним встретиться. Без мальчиков Бек лето – просто не лето.

Но у меня в голове слова никак не складывались, и прежде чем я успела выразить, что думаю, он повесил трубку.

Тейлор наконец вынырнула из гардероба, застегивая мою сумку.

– Готово! – довольно улыбнулась она.

– Тейлор... – Я попыталась выхватить у нее сумку.

– Нет, погоди, пока доберетесь туда, куда вы там едете. Еще спасибо скажешь, – заверила она. – Я ну очень расщедрилась, хоть ты от меня и сбегаешь.

Я пропустила мимо ушей последнее замечание и сказала:

– Спасибо, Тей.

– Всегда пожалуйста, – ответила она, поправляя волосы перед зеркалом. – Видишь, как я тебе нужна? – Тейлор повернулась ко мне, упирая руки в бока. – А как вы, ребята, вообще собираетесь его искать, а? Кто знает, под каким мостом он может прятаться?

Этой части нашего плана, деталям, я пока внимания не уделяла.

– У Джереми наверняка есть идеи, – сказала я.

Джереми приехал через час, как и говорил. Через окно гостиной мы увидели, как его машина въезжает на подъездную дорожку к дому Тейлор.

– О боже, какой он красавчик! – воскликнула Тейлор и побежала к зеркалу намазывать губы блеском. – Почему ты не сказала, какой он стал красавчик?

В их последнюю встречу Джереми был щуплым и маленьким – на голову ниже. Неудивительно, что она предпочла ему Стивена. Но в моих глазах Джереми просто оставался самим собой.

Я подобрала сумку и пошла к выходу, Тейлор – за мной.

Когда я распахнула парадную дверь, Джереми стоял на крыльце в своей кепке «Ред Сокс». Волосы у него стали короче. Как-то непривычно было видеть его на пороге у Тейлор. Противостоестественно.

– Я как раз собирался позвонить, – сказал он, снимая кепку. Он не боялся выглядеть глупо с растрепанными волосами. Эта его черта чуть ли не больше других к нему располагает, и я ею восхищаюсь, потому что сама постоянно боюсь сесть в лужу.

Мне захотелось его обнять, но я отчего-то сдержалась – может, оттого что он не попытался обнять меня первым, а может, я неожиданно оробела. Вместо этого я сказала:

– Ты очень быстро добрался.

– Гнал как угорелый, – ответил он. – Привет, Тейлор.

Она поднялась на цыпочки и обняла его, и я пожалела, что сама этого не сделала.

Отстранившись, Тейлор одобрительно обвела его взглядом:

– Хорошо выглядишь, Джери. – Она улыбнулась, ожидая ответный комплимент. Когда он промолчал, она поддразнила: – Ты чего? Сейчас твоя очередь сказать, как хорошо я выгляжу.

Джереми рассмеялся.

– Старая добрая Тейлор. Ты и так знаешь, что хорошо выглядишь. Мое одобрение тебе ни к чему.

Они усмехнулись друг другу.

– Нам пора, – подала я голос.

Джереми снял с моего плеча сумку, и мы с Тейлор пошли за ним к машине. Пока он втискивал сумку в багажник, Тейлор схватила меня за локоть:

– Беллиснежка, позвони, когда доберетесь туда, куда вы едете.

Она звала меня так в детстве, когда мы с ума сходили по этому мультику. Хором с Белоснежкой представляла меня гномам: «Я Беллиснежка». – «Беллиснежка? Принцесса?»

Я вдруг почувствовала к ней такой прилив нежности... Ностальгия, совместное прошлое, многого стоят. Больше, чем мне казалось. Я буду скучать по Тейлор в следующем году, когда мы разъедемся по разным колледжам.

– Спасибо, что разрешила оставить здесь машину, Тей.

Она кивнула. Затем произнесла одними губами: «Точки над “i”».

– Пока, Тейлор, – сказал Джереми, садясь в машину.

Я тоже села. Внутри царил полный кавардак, как всегда.

Весь пол и заднее сиденье были завалены пустыми бутылками из-под воды.

– Пока, – выкрикнула я из окна, когда мы отъезжали.

Она стояла и махала нам, глядя вслед. Потом тоже прокричала:

– Белли, не забудь про обещание!

– Какое обещание? – спросил Джереми, посмотрев в зеркало заднего вида.

– Я обещала, что вернусь к вечеринке с ее парнем в честь Дня независимости. Мы поедем кататься на лодке.

Джереми кивнул.

– Не волнуйся, успеешь. Будем надеяться, я привезу тебя обратно уже сегодня вечером.

– А, – удивилась я. – Ладно.

Пожалуй, сумка мне все же не понадобится.

– Тейлор совсем не изменилась, – заметил Джереми.

– Да, наверное.

И больше мы не разговаривали. Просто ехали молча.

Глава 8

Джереми

Я могу точно назвать момент, когда все изменилось. Это случилось прошлым летом. Мы с Коном сидели на крыльце, и я пытался растолковать ему, какой придурок новый помощник тренера по футболу.

– Крепись, брат, – посоветовал Кон.

Легко ему говорить. Он-то бросил футбол.

– Ты не понимаешь. Чувак – просто псих, – начал объяснять я, но он уже не слушал. На подъездную дорожку въехала машина Конклинов. Стивен вышел первым, за ним – Лорел. Она спросила, где мама, и крепко обняла меня, а затем и Конрада. Я хотел было спросить: «Эй, а где же Белли-Кнопка?» Тут-то она и появилась.

Конрад увидел ее первым. Он уставился через плечо Лорел. На нее. А она шла к нам. Волосы развеваются во все стороны, ноги от ушей. На ногах – обрезанные шорты и грязные кроссовки. Из-под топа торчит лямка от бюстгалтера. Я – клянусь – никогда раньше не замечал лямки от ее бюстгалтеров. На лице – странное незнакомое мне выражение. Застенчиво-взволнованное и вместе с тем гордое.

Я смотрел, как Конрад обнимает ее, и ждал своей очереди. Хотел спросить, о чем она только что думала, откуда такое выражение. Но не спросил. Я шагнул из-за спины Конрада, схватил ее и ляпнул какую-то глупость. Она рассмеялась и снова стала прежней Белли. Я вздохнул с облегчением, потому что не хотел, чтобы она становилась кем-то другим.

Мы ведь знаем друг друга всю жизнь. Я никогда не видел в ней девчонку. Она была одной из нас. Моим другом. И увидев ее в другом свете, пусть даже мимолетно, я был потрясен.

Отец частенько говорил, что для всего в жизни есть переломный момент. Единственный миг, от которого зависит все, хоть распознать его сразу удастся далеко не всегда. Трехочковый бросок в начале второй четверти, который меняет весь темп игры. Встряхивает игроков, вдыхает в них жизнь. Все это сводится к тому единственному мгновению.

Я мог бы обо всем забыть, о том, как подъехала их машина и как из нее вышла девушка, которую я едва узнал. Я мог бы счесть это пустяком. Ну знаете, когда, гуляя по улице, невольно оглядываешься на незнакомку, как на запах духов. А потом идешь дальше. И забываешь. Я мог бы забыть. И все могло бы стать как прежде.

Но потом наступил переломный момент.

Прошло около недели с начала лета, был поздний вечер. Мы с Белли сидели у бассейна, и она хохотала над тем, что я сказал, – даже не помню, что именно. Мне нравилось, что я могу ее рассмешить. И, хотя смеется она часто и рассмешить

ее – не геройский подвиг, меня это радовало.

– Джер, ты такой смешной! Смешнее не бывает, – сказала она.

Эти слова – один из лучших комплиментов в моей жизни. Но не они стали переломным моментом.

Он случился потом. Я был в ударе и изображал, как Конрад просыпается по утрам. Все вплоть до мельчайших франкенштейновских подробностей. И тут вышел Конрад и уселся в шезлонг рядом с ней. Потянул ее за хвостик и спросил:

– Над чем смеетесь?

Белли взглянула на него и – подумать только – залилась румянцем. Щеки покраснелись, глаза заблестели.

– Не помню, – пробормотала она.

У меня внутри все перевернулось. Меня словно пнули ногой в живот. Я заревновал, безумно. К Конраду. И когда она немного погодя пошла за газировкой, а я смотрел, как брат провожает ее взглядом, меня замутило.

Вот тогда-то я и понял, что между нами ничего уже не будет как прежде.

Я хотел сказать Конраду, что он не имеет права. Что все эти годы он ее не замечал, что он не может взять и забрать ее себе, просто потому, что ему так вздумалось.

Она принадлежала нам всем. Мама в ней души не чаяла. Называла Белли своей тайной дочкой. И весь год с нетерпением ждала лета, чтобы ее увидеть. Стивен, хоть и постоянно

ее доставал, на самом деле очень о ней заботился. О Белли заботились все, она просто об этом не догадывалась. Потому что смотрела только на Конрада. Сколько мы ее помним, она всегда его любила.

Только теперь я хотел, чтобы она так смотрела на меня. После того вечера я был обречен. Она стала мне нравиться куда больше, чем просто друг. Возможно, я ее даже полюбил.

Я встречался с девушками. Но они не были Белли.

Я не хотел обращаться к ней за помощью. Я на нее злился. И дело не только в том, что она выбрала Конрада. Тут все по-старому. Она всегда выберет его. Но ведь мы с ней друзья. Сколько раз она мне звонила после маминой смерти? Дважды? Прислала пару писем и смс?

Но вот я сижу рядом с ней в машине, вдыхаю неповторимый аромат Белли Конклин (мыло, кокосы и сахар), вижу задумчиво сморщенный носик, ее нерешительную улыбку, обкусанные ногти... Слышу, как она произносит мое имя...

А когда она наклонилась к решетке кондиционера, ее волосы коснулись моей ноги, и... какие же они мягкие! И я снова все вспомнил. Мне стало трудно злиться на нее и держать на расстоянии, как я намеревался. Да что там трудно, практически невозможно! Когда она была рядом, я мечтал только о том, чтобы сгрести ее в охапку, обнять крепко-крепко и зацеловать до полусмерти. Тогда, глядишь, она наконец забыла бы эту сволочь, моего брата.

Глава 9

– И куда мы едем? – спросила я у Джереми. Я попыталась поймать его взгляд, хотя бы на секунду. Он, кажется, ни разу не посмотрел мне в глаза с тех пор, как появился на пороге у Тейлор, и это выбивало меня из колеи. Мне надо было убедиться, что между нами все хорошо.

– Не знаю, – ответил он. – Я с Коном давно не разговаривал. Понятия не имею, куда он мог податься. Я надеялся, у тебя есть идеи.

Но беда в том, что у меня их не было. Почти. Вернее, совсем.

Я прокашлялась:

– Мы с Конрадом не общались... с мая.

Джереми покосился на меня, но ничего не сказал. Интересно, что Конрад ему про нас рассказывал? Наверное, немного.

Я снова заговорила, потому что Джереми молчал.

– Ты звонил его соседу?

– У меня нет его номера. Я даже имени его не знаю.

– Его зовут Эрик, – выпалила я, довольная, что знаю хотя бы это. – Они весь учебный год вместе жили. И остались в той же комнате на летние курсы. Так что... э... начнем, пожалуй, там. В Брауне. Поговорим с Эриком, еще с кем-нибудь из общежития. Мало ли, вдруг он никуда и не уезжал?

– Отличная идея. – Он посмотрел в зеркало заднего вида, перестроился в другой ряд, а затем спросил: – Значит, ты навещала Конрада в колледже?

– Нет, – сказала я, глядя в окно. Как-то неловко было в этом признаваться. – А ты?

– Мы с отцом помогали ему переезжать. – И как-то неохотно добавил: – Спасибо, что поехала.

– Не за что, – ответила я.

– Значит, Лорел не возражала?

– Нет. Конечно, нет, – солгала я. – Я рада помочь.

Раньше я весь год с нетерпением ждала, когда увижу Конрада. Мечтала о лете, как большинство детей мечтает о Рождестве. Только об этом и думала. Даже теперь, после всего, что произошло, я по-прежнему думала только о нем.

Чуть позже я включила радио, чтобы заполнить тишину в салоне.

Один раз мне почудилось, что Джереми заговорил, и я переспросила:

– Ты что-то сказал?

– Нет, – отозвался он.

Довольно долго мы ехали молча. Раньше у нас с Джереми никогда не иссякали темы для разговоров, а теперь поглядите на нас – как воды в рот набрали.

Наконец он сказал:

– Я на прошлой неделе видел Нону. Заезжал в дом престарелых, где она сейчас работает.

Нона была больничной сиделкой Сюзанны. Я ее несколько раз встречала. Она забавная. И сильная. Сама худощавая, ростом, может, чуть выше полутора метров, с тонкими длинными руками и ногами, но я видела, как она таскала Сюзанну – словно та ничего не весит. Ближе к концу, полагаю, так оно и было.

Глава 10

Когда Сюзанне стало совсем плохо, мне никто сразу не сказал. Ни Конрад, ни мама, ни сама Сюзанна. Все произошло очень быстро.

В тот последний раз я пыталась отвертеться от поездки. Сказала маме, что у меня экзамен по тригонометрии, который сильно повлияет на годовую оценку. Я бы что угодно сказала, только бы не ехать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.